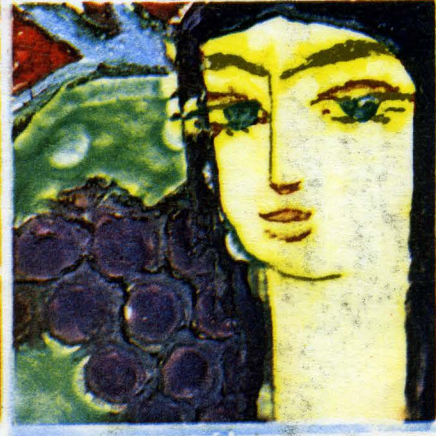
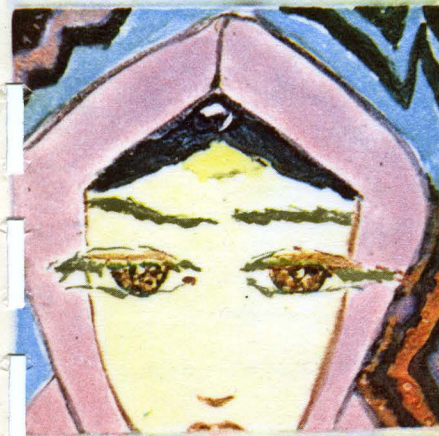

8 **КРУГОЗОР** 68

СЛЫШУ
* ГОЛОС
РОДИНЫ

Эти стихи Иосифа Уткина публикуются впервые. Поэт в самом начале войны ушел на фронт. Он сражался под Брянском, был награжден орденом Красной Звезды, после ранения комиссован, но вскоре снова вернулся на передовую. Осенью 1944 года Иосиф Уткин погиб. В архиве поэта осталось несколько стихотворений военных лет. Уткин не раз в своем творчестве обращался к героическому прошлому русского народа, тому наследию, которое помогает усвоить науку побеждать...

Иосиф УТКИН

Слышу голос Родины:
— Что ж вы, люди милые?
Не к лицу бы вроде нам
Ниннуть перед силою.

Или чести ради мы
Под Парижем не были?
Или наши прадеды
Фрицев этих не били?

Или славы пройденной
Тени вы лишь тусклые?
— Нет, неправда, Родина,
Русские мы, русские.

Сильные, упрямые,
Под огнем, под выстрелом,
Перед смертью самую
За тебя мы выстоим!

Мы тебя не продали,
Хоть и виноваты мы;
Обвели нас подлые,
Обошли проклятые.

Но клянемся, Родина,
Меч наш не притупится.
Что в обиде пройденно,
То в бою искупится.

Не дадим мы спуску им.
От фашистской нечисти
Земля наша русская
В пламени излечится.

1941 г. Брянский фронт.

Гравюра Ю. Космынина.

Бородино, Полтава, Калка —
А линия, глядишь, одна:
Во всем народная смекалка
С геройством наряду видна.

То русский штык мерцает тускло,
То хлынет партизанский вал,
Недаром говорят, что русский
Блоху когда-то подковал.

Народный ум! Особый норов!
Не вас ли, заглянув вперед,
Учили Кутузов и Суворов
И оценил Великий Петр?!

Не вы ли в годы Перекопа,
Огонь орудий поддержав,
И помогли нам в море скопом
Свалить четырнадцать держав?!

Не вы ли будете виною
Победы нашей и теперь,
Когда идет на нас войною,
Разверзнув пасть, фашистский
зверь?!

Его судьба не такова ли,
Как и злодеев остальных?!
Блоху мы с вами подковали,
И Гитлеру уйти едва ли
От гибели и пут стальных!

1941 г.

Как будто убаюканный,
Дремучий лес застыл.
Идут гвардейцы Крюкова
Сегодня к немцам в тыл.

Уж кони в нетерпении
Кусают мундштуки;
Клинки — как продолжение
Карающей руки.

Немало будет пройдено,
А снажется — в обрез:
— За Родину!

За Родину...
И вздрогнет Брянский лес.

И засверкают голые
Клинки в густой ночи.
И заскакают головы
У фрицев, как мячи.

Скрываясь за каштанами,
За дубом скоронясь,
По Жуковке бесштанная
Бежит штабная мразь.

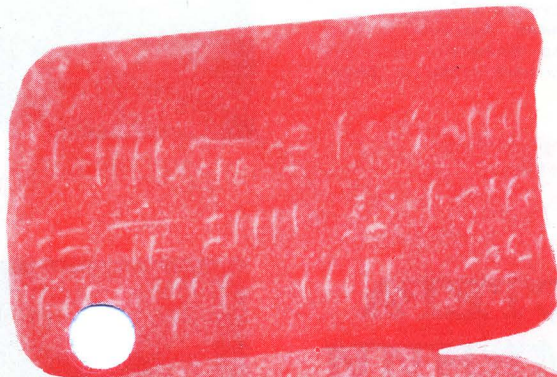
А крюковская конница
Летит наперерез!
...И вот уж славой полнится
Старинный Брянский лес.

И вспоминают пройденных
Путей геройский труд.
И ждут, когда за Родину
Опять на бой пойдут.

1943 г.

2750 лет назад

человек выбил на этой плите слова: «Бога Халда величием Аргишти, сын Менуи, эту крепость великолепную построил, назвал (я) по имени город Эр(е)буни, во славу Биайны, на страх вражеским странам...» Так человек заполнил каменное свидетельство о рождении Еревана.

2750 лет другие камни — придорожные надгробья и глыбы, врезанные в стены храмов, продолжали писание жития этого города, этой страны. Вы можете прочесть немало каменных страниц, запечатлевших величие духа армянского народа и его творческого гения. Но тут больше камней, которые рассказывают о разрушениях.

И только полвека, полвека из 2750 лет, городские стены рассказывают о возрождении и созидании.

Сейчас вы войдете в Ереван. Вас проведет по нему поэт Геворг Эмин. Он знает прошлое города, он воспел его настоящее, он размышляет о его будущем. Входите!

В чем, коротко говоря, сущность нашей истории? Века проходили и пронеслись над этой землей, и каждый из них оставил на ней тяжелейшие рубцы.

Что же дало народу силу выстоять, выжить, возродиться?

Творчество, созидание, мастерство в широком понимании этого слова. Страдания и сопротивление разрушающим силам так оттачивали мысль, делали такими искусными руки, что целый народ стал мастером и созидателем.

Присоединение Армении к России в начале прошлого века не только спасло наш народ от физи-

МАСТЕРА АРМЕНИИ

ческого уничтожения, но и побратало его с великим русским народом, приобщило к искони присущему русскому народу страстному поиску правды, предвостановлению революционных бурь.

Но на протяжении долгих столетий врагов было куда больше, чем друзей. Однако если оружием врага был меч, то нашим оружием — перо, если его оружием был ятаган, то нашим — молот и лемех. Каким бы ни был грозным меч, рука, его держащая, устает раньше, чем рука, направляющая молот и лемех. Часто враги наши уставали разрушать, а жажда созидания народа увеличивалась все больше и больше.

И это обостренное, всегда готовое противостоять злу и разруше-

Сколько домов сложил за тридцать лет в Ереване Герой Социалистического Труда каменотес Хачик Кошкарян — сам он не считал. Но буквально на каждом шагу, выходя из какого-нибудь подъезда, люди кланяются мастеру: «Здравствуйте!»

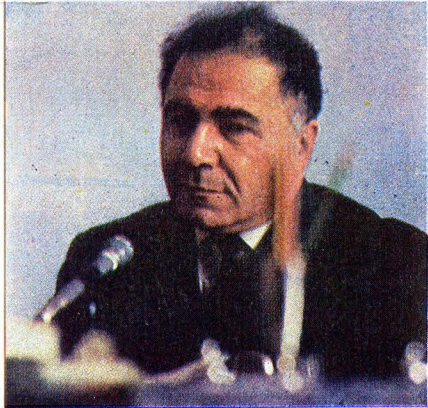

Наверняка нужно быть мастером и чтобы пронзить туннелем горный хребет, повернуть вспять реку Арну, заставить ее питать озеро Севан, дающее энергию Севано-Разданскому каскаду. Акоп Казарян — прораб знаменитой стройки, бригадир проходчиков.

Давид Бабаян — скульптор-чеканщик. На багровых листах меди он «рисует» образы армянского эпоса, дает зримый облик лирической строфе. Специалисты считают, что его работы могут соперничать с лучшими образцами армянской и итальянской чеканки.

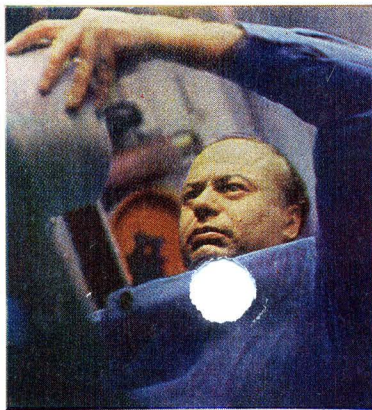

Академика В. А. Амбарцумяна кто-то назвал мастером сотворения мира. Вероятно, этот титул вполне заслуженно может носить автор новой гипотезы происхождения звезд и галактик. Значит, В. А. Амбарцумян.

По-своему творения Амаяк Бдеяна — ровесники Еревана. Он возродил древнюю армянскую керамику, соединив тысячелетнюю историю с современным видением мира. И пошел дальше древних мастеров: Амаяк вынес керамические формы из замкнутого пространства комнаты под небо города, на улицы.

И вся Армения говорит: «Наш мастер», — обращаясь к имени Мартirosа Сарьяна. Он тоже мастер сотворения мира, земного, праздничного мира. О возникновении животворящего мига в душе творца, о своих холстах, о мастерстве художника Мартirosа Сергеевича размышляет на второй звуковой странице «Кругозора».

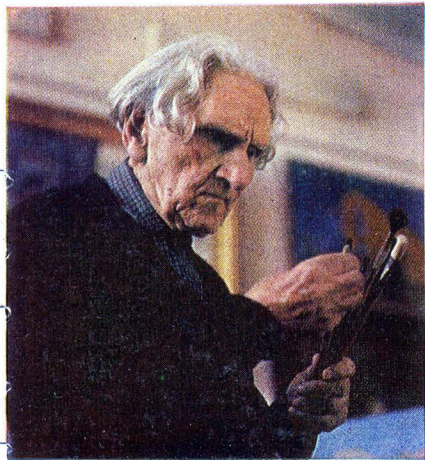

Фото Л. Лазарева,
Г. Копосова,
И. Тункеля.

нию состояние духа — одно из характерных свойств нашего народа, и именно оно рождало тех искуснейших созидателей, мастеров, ремесленников, которыми мы гордимся и сейчас.

До самых последних времен у нас, а в зарубежных армянских колониях и по сей день не было ни одного армянина, не владеющего тем или иным ремеслом. Родись он трижды поэтом или мыслителем, способности не принимались в расчет: все равно отец или мать с раннего детства учили его ремеслу, простому, необходимому везде и всем ремеслу, так как только оно могло спасти его в дни бедствий, на чужбине, где никому не нужны армянские книги, миниатюры, песни.

Кем стал бы, к примеру, мой друг и ровесник композитор Арно Бабаджанян, родился он сто лет назад в глухом армянском селе или полудеревне Ереване — и с той же мерой таланта? Какая судьба могла постигнуть в прошлом и Хачатуряна, того Арама Хачатуряна, который превратил медлительную телегу армянской мелодии в реактивный самолет XX века, придал тихому потоку народной песни ураганный натиск и мощь океана симфонии, волны которого захлестнули мир?!

Есть у нас глубокое уважение к слову «мастер». И венчают этим словом в моей республике самых талантливых людей.

Мастером мы звали патриарха нашей поэзии Аветика Исаакяна, мастером зовем академика Артема Алиханьяна и моего соседа — каменщика Ованеса Карамяна. Художник и поэт гордятся этим званием не меньше, чем гончар и каменщик, — ведь им они приравнены к настоящим мастерам своего дела. Тысячи искуснейших именитых и неизвестных мастеров, печать мысли и вдохновение рук которых вы можете видеть на каждом шагу в возрожденной Армении, в ее древней и новой столице.

Геворг ЭМИН

Ереван

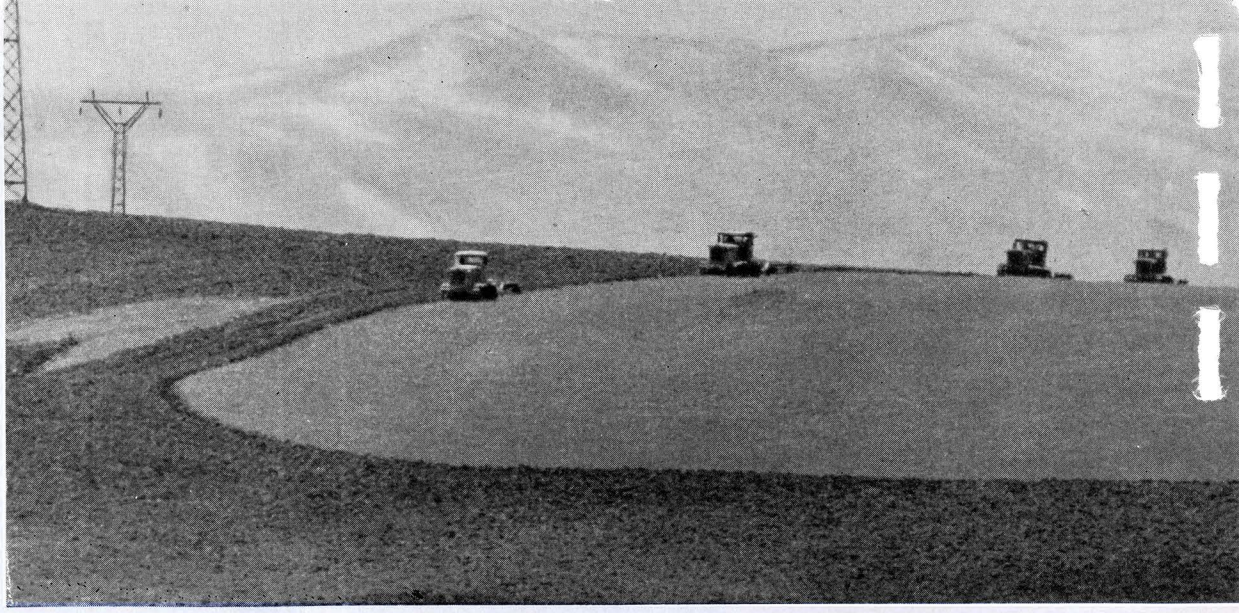
Слушайте первую звуковую страницу: «Я — репортер «Кругозора».

Всё, что мне дать могли они, я взял у солнца и земли, и семена мои взойшли...

Египте ЧАРЕНЦ

Фото Вс. Тарасевича

ГАЛАКТИКА В ПРЕДЕЛЬНЫХ БЮРАКАНА

шесть лет — три звезды в одной галактике, да еще две из них с промежутком в два месяца!

Когда Софик на фотографиях обнаружила неподеленку от ядра новое тело, она решила, что тут просто дефект пленки. Но повторные снимки подтвердили невероятное. Как назло, в тот день в Бюракане был испорчен телефон и пришлось извести Ереван обыкновенной телеграммой. Телескопы мира обратились по новому небесному адресу.

Амбарцумян примчался из Еревана, и Софик смущенно протянула ему снимки. «Смотрю, как из новорожденного», — в голосе Амбарцумяна была, пожалуй, и вправду гордость повивальной бабки. Ведь еще несколько лет назад, увидев снимки этого участка неба, он сказал: «Наблюдайте. Очень интересная галактика. Почему сказал? Другое не увидели ничего примечательного. Может быть, так и рабастан прозрение? А может, это и есть первые подтверждения теории прото-звезд? Когда-нибудь тайное станет ясным.

Ведь подтверждаются догадки Амбарцумяна и открытиями Бениамина Маркаряна, обнаружившего нетепловое излучение в центральной части некоторых галактик, и работой Эдуарда Хачикяна и исследованиями Гранта Товмасяна по радиоизлучению.

...Грант сказал мне: «Физик может поставить опыт, но он ограничен условиями лаборатории. Астроном — тот же физик, но он не может поставить опыта. Зато его лаборатория — весь космос. И вполне вероятно, что открытия астрономов будут диктовать земной физике новые законы».

Да, изучение Вселенной в состоянии позволяет на земные представления. Вот, скажем, гелий был впервые обнаружен не на нашей планете, а на Солнце. Сейчас астрономов занимают так называемые «квazarы» — «квazизвездные объекты». Они находятся, видимо, на «окраине» Вселенной и при очень малом объеме излучают такое количество энергии, какое земная физика объяснить не может. Если будет разгадана их природа, возможно, возникнут новые физические законы.

Астрономия — это ступень человеческой жанды познания, жанды объяснить и понять Вселенную изначала для грядущих преобразований. Этим и живет Бюракан.

Теперь за тридцать земель от Бюракана я часто вижу его сложные из красноватого туфа башни, коронованные гигантскими серебряными шлемами. Башни, похожие на рыцарские головы. Странное поселение, окруженное галактиками. Поселение людей, лаборатория которых — весь космос. Потому что в Бюракане, как нигде, чувствуешь: все предельно, кроме Вселенной и человеческой мысли.

Галина ШЕРГОВА,
специальный корреспондент
«Кругозора».

Бюракан, Армянская ССР.

Ярко-желтый шатер стремительно пошел вкруговую над нашими головами. Он был похож на близкое солнце; голубой металлический пол охватывающий помещение, гляделся небом. Но солнце это было не жаркое, сложенное, подобно паркетному полу, из золотистых деревянных планок. Внезапно купол разверзся, оголяя истинное небо — там, за стенами жилища телескопа. Я представила, как Софик Исхударян бросилась к этому небесному пролому и долгополая мантия звездочета закружилась вокруг ее тонкого, почти детского тела.

Все происходило в Бюраканской обсерватории — в тридцати километрах от Еревана. Но там мне казалось, что Ереван дальше, чем самые дальние галактики. Быт Вселенной, фотографии участков неба заполняют Бюракан круглосуточно, как будничные дела предместья. Быт Вселенной, озаряемый вспышками мысли, светом открытий.

Сегодняшний астроном меньше всего похож на звездочета. Хотя действительно астроном проводит у телескопа долгие нечи, главный предмет его изучения — фотографии, спектральный анализ наблюдение за радиоизлучением. В «брюхо» телескопа напихивают мне ракету, закладывается фотопленка, а астроном следит за точным направлением трубы, движущейся вслед за звездным небом. Но неделя фотографирования — это год обработки и изучения полученных материалов.

Мне сейчас хочется написать так: в науке, как в галактике, процессы определяются активностью ядра. «Ядро» работы Бюракана — блистательная, вечно трудящаяся мысль академика В. А. Амбарцумяна. Многие его гипотезы, казавшиеся миру парадоксами, сейчас обрели силу научных истин. Так было с открытием звездных ассоциаций, с теорией деления галактик — рождением новой в недрах старой. Так заняла умы астрономического мира амбарцумяновская гипотеза происхождения звезд из некоего сверхплотного вещества, порождающего предшественников звезд — протозвезды.

В этих коротких заметках я, разумеется, не рискну рассказывать обо всем подробно. Да меня и не это сейчас занимает. Меня поразил процесс, если так можно выразиться, «индукции мысли». Амбарцумян не подавляет работающих рядом, он стимулирует общий поиск. Расскажу об одном эпизоде, может, и не самом значительном в истории открытий Бюракана.

Софик Исхударян открыла сверхновую звезду за два месяца до того ее подруга Ромалия Шахбазян сделала такое же открытие. Первую сверхновую они открыли вместе.

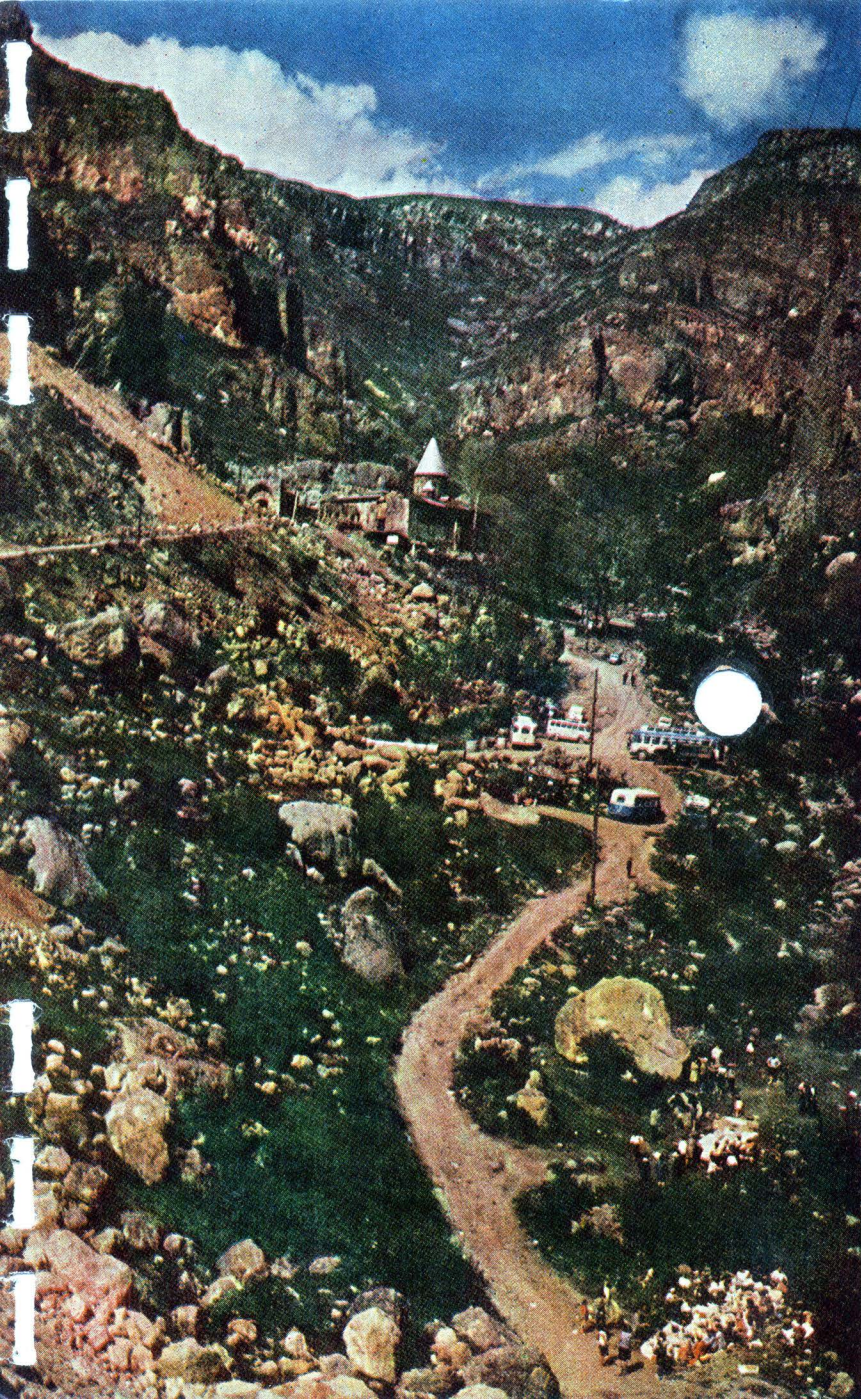
Рождение сверхновой — внезапный взрыв, при котором яркость светила вдруг увеличивается в сотни тысяч раз. Считалось, что такие «рождения» происходят в галактиках раз в 200—300 лет. Потом было установлено: раз в 30—40 лет. А тут за

Музыкальная история

Певицу Лолу Хомянц мы отыскали в Донецке. Разговор по телефону:

— Наверное, вы пели еще в детском саду?..

— Я не пела никогда, пока меня не вызвал декан факультета и не спросил, что я умею делать. Шел общегородской конкурс самодеятельности, а у нас в Тбилиском политехническом институте, чисто «мужском», каждая девушка была на счету. Я ответила нелепо: «Не танцую, не читаю, не пою».

В одной аудитории парни репетировали мексиканскую песню. Я ходила, ходила вокруг, потом не утерпела: «В этом месте поется не так». «А как? Покажи». Я показала, совсем тихо. Наутро меня опять вызвал декан и в приказном порядке велел петь... Я вышла на сцену. Гитарист играет вступление, зал шумит, я стою. Гитарист говорит: «Если на восемнадцатом такте не вступишь, ухожу со сцены». В первом ряду сидел декан, расстроенный. Все-таки я запела. И заняла первое место по республике...

У нее диплом инженера, но она стала певицей. Послушайте на шестой звуковой странице, как Лола Хомянц исполняет старинные армянские мелодии вместе с Арташесом Аветяном.

АВТОПОРТРЕТ В ЗВУКЕ

ся. Песня написана на слова Евгения Винокурова, фронтовика, знающего солдатскую жизнь.

Для меня война началась с Вислы. Я воевал на Первом Белорусском фронте, в 608-м стрелковом полку, во взводе разведки. Нас было около двадцати человек. Все

о композиторе — композитор

Родион ЩЕДРИН

Композитор о себе

Андрей ЭШПАЙ

Думая о своем поколении, я всегда вспоминаю те далекие дни. Была буйная весна сорок пятого. С ней, конечно, не гармонировала смерть, которая была рядом, но то ли молодость, то ли предчувствие близкой победы — для меня ощущение радости стало главной приметой, главным чувством. А когда война кончилась, самым первым желанием была жажда уснуть. Не как во время боев — впасть в короткое забытие, а именно уснуть.

Все остальное пришло позднее — и воспоминания, и новая острота потерь, и слова, и звуки, в которых ты мог рассказать об этом. Для меня таким дневником-исповедью стала песня «Серенжа с Малой Бронной». То, о чем говорится в песне, было у меня в жизни. В Москве я живу на Бронной, моя мать до сих пор ждет старшего сына, который с войны не вернул-

мальчишки семнадцати-восемнадцати лет. Став взрослым, я меряю душевные качества человека теми нравственными нормами, которые эти ребята несли в себе тогда.

Гена Новиков и Владимир Никитинский — они были моими большими друзьями. Володя Никитинский из Архангельска. Он прошел всю войну, а погиб в Берлине; после него командовал взводом разведки я. Геннадий Новиков — чудный парень, замечательной души человек, тоже погиб в Берлине.

Прошло двадцать три года после конца войны, новое поколение, родившееся уже в мирные дни, старшее моих погибших друзей. Но, всматриваясь в этих ребят, не знающих, что такое война, я вдруг обнаруживаю в них черты характера моего Володи, Генки, Серенжи с Малой Бронной. И верю, что и это поколение может принять на свои плечи ответственность за судьбу народа. Поэтому даже с самыми молодыми мне хочется разговаривать на языке музыки серьезно, честно, без скидок.

Наверное, можно сказать, что музыка — автопортрет композитора, написанный звуками. Но так же, как живописец, избирающий масло, акварель, графику для своего автопортрета, в чем-то одном может быть особенно точен в передаче своего «я», так и музыкант особенно ярко проявляется в определенной форме.

Вот я сейчас «разглядываю» портрет Андрея Эшпая и наиболее полно вижу его черты — человека и музыканта — в избранной им старинной форме «Концерто-Гроссо», оркестрового виртуозного произведения, в котором солирующие инструменты противопоставляются звучанию всего оркестра. Солисты у Эшпая своеобразные: это контрабасист, ударник, пианист и трубач. Все четыре партии написаны с блеском, точным использованием возможностей инструментов, безукоризненностью вкуса.

Вообще мне кажется, что концертность и виртуозность — черты индивидуальности Андрея Эшпая. В сочинении масса темперамента, жизненных сил, это живая музыка. Часто у нас сложность музыки отождествляют со скучностью. Музыка Эшпая, безусловно, непростая. Но вместе с тем все время автор держит внимание слушателя, убеждает зал своей мыслью, своим музыкальным рассказом.

Скажу прямо, у меня это сочинение с первого же прослушивания ассоциировалось с какой-то программой, с каким-то видением, с какими-то кинематографическими кадрами.

Нельзя сказать, что предыдущие сочинения Андрея Эшпая (три симфонии, инструментальные пьесы, песни, музыка к более чем тридцати кинофильмам) неинтересны, они все своеобразны, с печатью индивидуальности автора. Но поскольку я заговорил об автопортрете композитора, то мне кажется, что все перечисленные черты, составляющие суть этого человека — темпераментность без суетливости и сложность без скучной умозрительности, — в концерте выписаны особенно ярко.

Московская консерватория. Урок композиции ведет А. Эшпай.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СООТЕЧЕСТВЕННИКА

Алексей Николаевич Кулаженно, секретарь Пинского райкома партии, майским днем выехал из города в командировку по колхозам. Кулаженно, большой и грузный, как всегда, когда он оказывался в тесном вездеходе, не знал, куда поместить привыкшие к пешей ходьбе ноги.

Накануне был несусветный ливень. С шести вечера лило, лило и лило из припавших к крышам обложных туч. Ох, уж эти сизые, бурлящие, как крутой кипяток, тучи Полесья! Глядя на них, постигаешь исходную суть белорусского слова «хмара». «Хмары» — «хмуры» — пасмурные, хмурые грозные тучи.

И его не обошла стороной вчерашняя гроза. Нет, он не мок под клубящимся небом, но в рассыпных ударах о стекла тяжелых капель читались ему недобрые вести. И в давящей темноте ныли под рубцами забытые раны.

Утро прояснило погоду, и под небом молочной голубизны, выше которого только ветер, между низменными берегами, зарешеченными белой ольхой, ясенем, березой, как в материнской колыбели, наконец-то угомонилась Припять. Утро из лесистых и мокрых глубинок по проводам принесло в Пинск озабоченные голоса колхозных председателей. Предупреждая о своем пришествии телефонными звонками, друг за другом входили в его кабинет деревенские злосчастья. И он, коренной крестьянин, без долгих толкований понимал, какие последствия потянут за собой все эти подмытые коровники, затопленные выпасы, расквашенные проселки и грейдеры.

Когда-то и он вот так же звонил секретарю райкома. Звонил не ради утешительных слов и не в расчете на заглазный совет, а потому, что секретарь должен знать всю правду. Как же иначе? Председатель в ответе за один, за свой колхоз, секретарь — за целый район. Такая она, партийная работа... Да полно!.. Разве то, чем он занимается, можно назвать работой? У всякой работы есть начало и есть конец. А тут... Ложись спать — думаешь. Сидишь с удочкой над Ясельдой — а мысли не о клеве. Недавно даже во сне проводил бюро... Какая же это работа! Это сама жизнь. Жизнь, в которой не различить, не разобраться, где свои, где общие заботы.

Не укрыться от этих мыслей... А он и не умеет копить в себе тревоги. Делиться ими в открытую, на миру, с людьми научила его жизнь-работа. Подругому и нельзя — болота за здорово живешь не отдают хлеб, а хлеб — это человеческая жизнь, качающаяся на упругих стеблях в отторгнутом от лесных трясин поле.

Разве забудутся давние, трудные, не похожие на эту поездку по окрестностям Пинска в первые после войны годы? Советская власть пришла сюда с двадцатилетним запозданием, и он ездил по селам, где верили в колдунов и сглаз, где люди умели ловко, чтобы не осыпалась сера, расщепить спичку на четыре части, а случись недород, обмануть голод лепешками, испеченными из пырея с лебедой. Он не сулил этим людям золотых гор. Что за ценность гора золота для того, кто лишь в престольный праздник зажигал неросиную лампу? Он знал по своей судьбе, чем обернется для здешних мужиков колхозный строй, и потому чистосердечно убеждал их

вступать в колхозы. Это было его партийной работой.

Потом жители Лыщей, крытой очеретом деревеньки, выбрали его председателем колхоза имени Кирова. И он не мог обмануть их надежд. Продолжалась партийная работа.

Шарипа, его отвергнутый крестьянами предшественник, сдавая дела, откровенно недоумевал: «Видно, у тебя, Алексей Николаевич, самолюбия ни на грош. Из секретарей райкома да в председатели! Другие из грязи в князи, а ты в противоположном направлении... Ну и ну...»

Разговор десятилетней давности. Все эти десять лет доводил он до ума хозяйство, осушал торфяники, пуская в дело любой мало-мальски стоящий клочок земли. Легко командовать послушными, легко подмять под себя пугливого. Он не запугивал, он не покрикивал, он убеждал. Убеждал: «Неизвестно еще, что важнее — ширина полей или густота хлебов». Убеждал: «Руки не болят только у ленивого». Убеждал: «То, что медленно разгорается, скоро горит».

Четыре года назад в правление пришел последний единоличник. С поклоном пришел. Значит, поверил в праведность дела, которому он, Кулаженко, посвятил себя.

У всякой поры, думал он, есть внешние, наглядные для всех приметы; следуя за ними, как за вежами, человек движется по руслу жизни, подчас не предполагая даже, что откроется ему за очередным поворотом. Но если видишь, слышишь, ощущаешь краски, звучание и характер времени, то предохранен от неожиданностей. А пост? Это всего лишь точка. Точка опоры, точна приложения жизненных сил.

«Был я секретарем Логишинского райкома партии, — отвечал Алексей Николаевич Шарипа. — Был председателем колхоза. Снова стал секретарем. Что это? Падение и взлет? Как бы не так!..»

Попробуй разберись, где кончается партийная работа и начинается просто жизнь? И завершается ли эта партийная работа раньше, чем останавливается сердце?»

Когда-то какой-то лукавец изрек кощунственную ложь: где хорошо — там и родина. Но разве родину выбирают? Люди рождаются не безродными, в наследство от предков они получают родину с ее заботами и скорбями, с ее надеждами и святынями. От каждого человека зависит, что возьмет он из этого наследства, лишь бы не изменил неразменному завету: где родина — там должно быть хорошо. И если твоими стараниями родина станет чуточку лучше, значит, не без пользы копила морщины, выхаживая тебя, твоя деревенская мать.

Адольф ДИХТЯРЬ

Пинский район, Брестской области.

Фото Л. Лазарева

На третьей звуковой странице: рассказывают Герой Социалистического Труда Алексей Николаевич Кулаженко и его земляки,

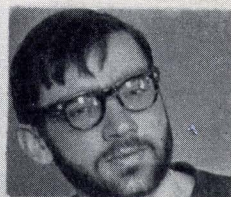

ЭСТАФЕТА

23 марта в Архангельске стартовала эстафета «Советская Арктика», посвященная 50-летию ВЛКСМ. Журналисту из «Правды Севера» Игорю Запорожцу и радиоинженеру моряку Антону Макаренко предстоит долгая дорога — от Архангельска до мыса Дежнева на Чукотке. Там у памятника они положат горсть архангельской земли, земли поморов, мореплавателей, отважных исследователей.

Из Архангельска ребята вышли на вездеходах. Потом были олени, собачьи упряжки, тракторы.

Вместе с эстафетой совершает многотысячекилометровый путь и реликвия арктических первопроходцев — флаг с ледокола «Седов».

В Воркуте Игорь сразу же потянул всех есть мороженое. Это был первый крупный город после Архангельска. Ребята «отходили» после перехода, с наслаждением осматривались в магазинах, ездили в автобусах, выбирали что-нибудь непривычно вкусное в столовых.

Мне было немного грустно, потому что назавтра уезжать, а за десять дней, проведенных вместе, мы пообтерлись, попривыкли друг к другу. Вместе волновались, тащились в одном вездеходе, на одних оленьих нартах, а когда под Хальмер-Ю ослабевшие олени «забуксовали», нас вывезли на вертолете.

Перехватил я ребят в Амдерме, небольшом поселке на берегу Карского моря. Когда я туда добрался, радиостанции настойчивой морзянкой пе-

редавали их от пункта к пункту. Было известно, что прошли они Югорский пролив, а задержатся ли где в дороге или будут спешить напрямик, морзянка не уточняла.

В поселке о ребятах знали. Жители здесь в основном постоянные, северяне, знакомые с пургой, неустойчивостью погоды и теми стечениями путей обстоятельств, из-за которых север всегда Север.

Приехали поздно вечером на собаках. Выгрузили у гостиницы рюкзаки, кофры с кинокамерами и радиостанцией. Собаки повизгивали, требуя, чтобы их накормили, но проводники Михаил Федорович Конев и Семен Петрович Филиппов (оба ровесники путешественников, люди не по-молодому степенные, семейные) торопились, потому что хотели остановиться у родственников, и приморенных собак решили покормить позже.

С Игорем мы сразу сошлись. Он высокий, подвижный, заботливый. У нас даже оказались общие знакомые. Обращались друг к другу по-братски. Так и ехали. («Брат, кинь этот рюкзачок на мои нарты». «Хорошо, брат». И кидаешь, а в рюкзачке килограммов семьдесят.)

В Амдерме пробыли несколько дней. Мои спутники встречались с комсомольцами, рассказывали

об освоении Севера, ходили в клуб, в интернат. А то кто-нибудь остановит на улице и спросит: «Как дошли, ребята? Неужели до самой Чукотки доберетесь?» Ну, как не ответить! А случайный знакомый еще и предложит: «Может, помочь чем надо?»

В свободное время Антон чинил кинокамеру, ремонтировал радиоаппаратуру. Игорь разыскивал разных людей, беседовал со старожилками, с гостиничным народом; видимо, после напишет книгу. Я тоже слушал эти рассказы и втайне завидовал: не на самолете, а неторопливым ходом пройдут люди вдоль страны. Сколько увидят восходов, птичьих базаров, бескрайних северных рек.

Из Амдермы вездеходом — на Кару, вдоль берега моря. По низкой тундре, по замерзшим лагунам. Полярная ночь уже отступила, мы спасались от нещадного солнца очками. Лед от берегов отошел, и между припаем и ледяными полями, про-

стирающимися до горизонта, аквамаринно сверткала чистая вода. Казалось странным, что светлая чистота дня держится почти до полуденных часов и, пригаснув ненадолго, снова разгорается до плотного бесплощадного сверкания.

Тундра просыпалась от спячки. С подвышенных мест, с маковок холмов снег обтаял, и белые куропатки стайками обклеивали нарликовую березу. Мы ехали, догоняя уходящую зиму, упорствуя до тех пор, пока весна не ссадила нас с вездехода, а потом и с оленей.

Это произошло уже за Карой. В два дня мир изменился. Привычная тишина вдруг заполнилась криками и гомоном птиц, наст сел, размяк, песчовые и оленьи следы на снегу расплзлись: не поймешь, кто и прошел. Небо стало ленивым, размягченным. И, наконец как сигнал, как звонок после антракта, прозвучал гусиный крик на поляне: весна!

Оленеводы, торопя линяющих оленей, передавали нас из рук в руки. Времени для сна не было. Да и ночь совсем истончилась, выливаясь в бесконечный день лишь узкой полоской сумрака. На ходу мы дремали на нартах, прикидывая, выйдем ли мы с честью из этой обреченной на поражение гонки. И наконец, улыбаясь, весна опустила шлагбаум...

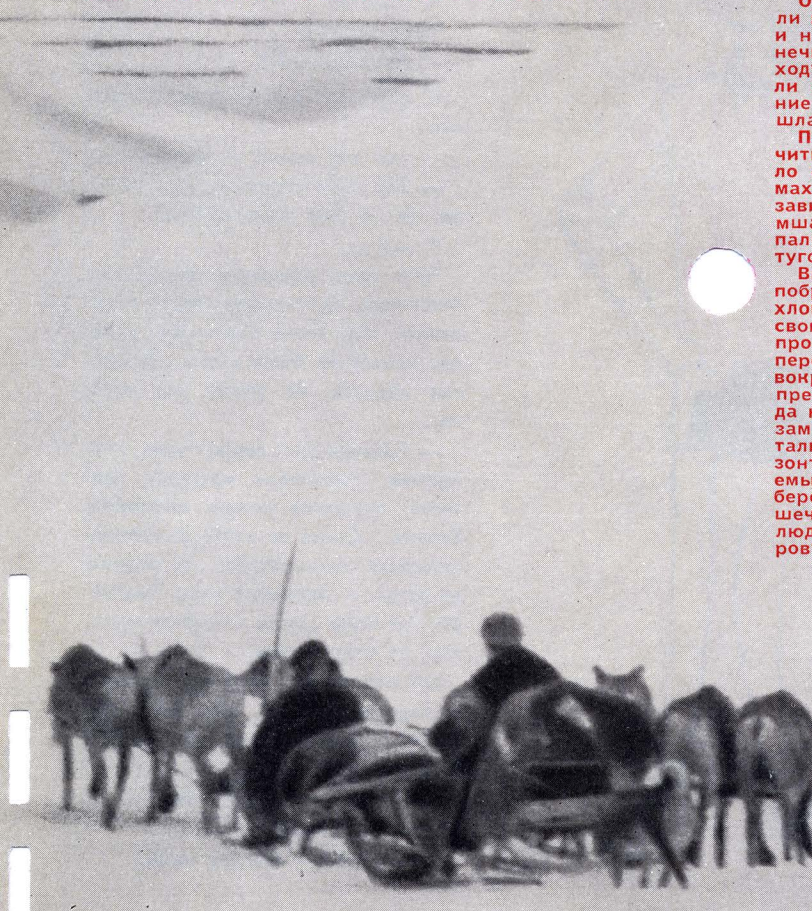
Потом случилось то, что должно было случиться. Над бурьми вершинами холмов скользнуло стрекотинное тело машины. Мы закричали, замахали руками: нас искали! Вертолет осторожно завис над стелющимся березняком, над мокрым мшаником. Струи воздуха несколько минут трепали прошлогодние красные и желтые листья, туго ударяли в лицо. И стихло.

Вышли улыбающиеся летчики. Мы торопливо побросали вещи в вертолет. Перед тем, как захлопнуть дверцу, я последний раз огляделся. Со своими оленями стоял, подняв руку, Вылков, наш проводник. Вокруг до горизонта, уходя в дальние перекаты поднимающегося над тундрой тумана, вокруг далеко и бесконечно лежала трудная, но прекрасная земля. Я знал, что, может быть, никогда не увижу всего этого, и старался схватить глазами и мелкий стланик, и блеск промытых проталин, и смягченные очертания увалов на горизонте. Я знал: все это на всю жизнь. Незабываемы будут разговоры в охотничьих избушках на берегу моря, чаепития в чумах, встречи в крошечных северных гостиницах. Незабываемы будут люди, несущие здесь, на краю Земли, свою суворую эстафету.

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото автора.

Амдерма — Воркута

Сестра моя Ксения

5

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки А. Шторха

Один раз был обыкновенный день. Я пришел из школы, поел, влез на подоконник и принялся ничего не делать. В ту же минуту в комнату влетел папа и объявил:

— Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу ее встречать, а ты приברי комнату.

Я мигом соскочил с окна:

— Конечно! Договорились! Ура! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

В конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа. Он уже вернулся и был весь взбудораженный. Я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

«КРУГОЗОР» — ДЕТЯМ

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Когда она меня увидела, ласково мне улыбнулась и тихо сказала:

— Здравствуй, мой мальчик. Как ты поживал без меня?

Я сказал:

— Я скучал без тебя.

Мама сказала:

— А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

— Самолет?

Мама сказала:

— Посмотри-ка!

И протянула мне сверток. Я взял его.

— Что это, мама? — спросил я.

— Это твоя сестренка Ксения, — все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал сверток на руках изо всех сил.

— Внимание, — сказал папа дикторским голосом, — мальчику Дениске вручается живая сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток — пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наивно, боялся, что я уроню Ксению.

— А на кого она похожа? — спросил я у мамы.

— На тебя, — сказала мама.

Я все стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень с писаную торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

— Осторожнее, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

— Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжи-маю одной левой, неужели я урно такую челуху?

А папа сказал:

— Вечером купать будем! Гото-вьясь!

Он взял у меня сверток, в кото-ром была Ксенька. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от ко-мода, и она там лежала спокойно.

Папа сказал:

— Это пока, на одну ночь. А за-втра я куплю ей кроватку, и она бу-дет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестренку в комод. Будем потом искать, куда подева-лась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека бы-ла мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел сестру внима-тельно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

Вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комод. и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому

что скрипела, как дверь, а папа все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа

ходил туда-сюда с водой и про-стынкой, он снял пиджак, засучил рукава и лстыиво покрякивал на всю квартиру:

— А кто у нас лучше всех пла-вает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

У Ксеньки такое было лицо, буд-то это она лучше всех окунается и ныряет,— действовала папина лесть. Но когда стали купать, у нее сделался испуганный вид: вот, лю-ди добрые, смотрите, родные отец и мать сейчас утопят дочку. И она пяткой поискала дно, оперлась и только тогда немного успокои-лась — лицо стало чуть поровней,

не такое несчастье,— и она позво-лила себя поливать, но все еще со-мневалась: вдруг папа даст ей захлебнуться?.. И я тут вовремя подсунул под мамин локоть, дал Ксеньке свой палец и, видно, уга-дал, сделал, что надо было: она за мой палец ухватилась и совсем успокоилась. Так крепко и отчаян-но ухватилась девчонка за мой па-лец, просто как утопающий за соло-минку. И мне стало ее жалко от-того, что она именно за меня дер-жится, держится изо всех сил свои-ми воробьиными пальчиками, и я почувствовал, что это она мне од-ному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, все это купание для нее мука, и ужас, и риск, и угроза: надо спастись—держат-ся за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всем этом догадался, когда я понял, на-конец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить.

слушайте

в

номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

1. Ереван. Год 2751-й. Репортаж ведет поэт Геворг Эмин.
2. Дома у Мартироса Сарьяна.
3. «Талант — быть человеком». Колхозники рассказывают о районном партийном секретаре.
4. Край далекий, небо высокое. Трансарктическая эстафета.
5. Детская страничка. «Фантомас пишет динтант». Из устных рассказов Виктора Драгунского.
6. Три капли из родника. «Цветы», «Фиалки», «Караван» — армянские народные песни. Исполняют Л. Хомянец и А. Аветян.
7. Звезды канадской эстрады. Жорж Дор и Полин Жюльен поют «Ля Манин» и «Лесную деву».
8. К портрету композитора. Андрей Эшпай — «Кончерто-Гроссо» (фрагмент). Оркестр п/у Г. Рождественского.
- 9—10. Кабачок 33½ оборота — в пивнице «Под Баранами».
11. Первый оттиск. Песни О. Фельцмана на стихи И. Шаферана и Р. Рождественского — «Наши младшие сестренки» и «Огромное небо». Поют В. Круглова, В. Мулерман, Э. Пьеха.
12. Лирические премьеры. Б. Савельев, М. Плячковский — «Потеряешь — не найдешь»; Л. Гарин и Н. Олев — «Музыкальная история»; В. Махлякин и Д. Чашников — «Ошибки статистики». Поют Г. Семенова, Л. Мондрус и В. Лыньковский.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания и звукозаписи

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки:
керамика Репсима
Симоняна «Армения»
Фото
Вс. Тарасевича

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Шторх
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
33-73-94, 33-74-59.

Б 03333. Подп. к печ.
15/VI 1968 г. Формат
бумаги 84 × 108/16.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 300 000 экз.
Зак. 1568. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24

Вот разговор, который
объяснит читателям, по-
чему я, человек как буд-
то вполне серьезный, по-
просила молодого поль-
ского музыковеда при-
гласить меня в варшав-
ский кабачок...

Он (галантно переспра-
шивает). Прошу пани,
для чего кабачок? Мо-
жет, пани, имеет в виду
кабарет? На рынке Старо-
го Мяста открыто но-
вое кабаре Ванды Вар-
ской. Она, прошу пани,

Мне сказали:

— Полин Жюльен? Сейчас она очень занята. Готовит новую программу. На звонки не отвечает. Встретаться с прессой отказывается. Впрочем, застать Полин можно во французском ресторанчике «Ше сон пер». Она туда забегает между репетициями.

Мне повезло. Певица собиралась на гастроли в Советский Союз и, узнав, что я из Московского радио, согласилась встретиться. Полин сначала сама взяла у меня интервью («всегда мечтала побывать в России, а теперь, когда все решено, я немного побаиваюсь: как примут мои песни?..»), потом она рассказала о себе («петь начала лет в шестнадцать, в маленьких студенческих кафе...»), говорила о своем увлечении русской поэзией («Маяковский! Я читала его стихи в переводах. Помните: «Ведь если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...»).

Особенно мне запомнилось выступление Полин Жюльен в маленьком студенческом кафе. Девушки и парни тянули пиво, мно-

песни слетают с кленов

Два интервью в Монреале

го курили, переговаривались вполголоса, пока на сцене шаманил заезжий длинноволосый «менестрель». Распорядитель объявил: «Полин Жюльен». Казалось бы, что для певицы с именем этот «шефский» концерт! Но целый час, без перерыва, в духоте тесного зала она пела о нежных цветах первой любви, о тихих деревушках, о просторе земли, о родине...

...Жорж Дор, поэт, композитор, исполнитель собственных песен,

еще несколько лет назад не был известен не только в провинции Квебек, но даже в Монреале. А летом прошлого года, в разгар Все-

мирной выставки, пластинки с записями песен Дора невозможно было найти. Что же произошло?

— Я и сам не пойму, что... Ведь у нас очень популярны композиторы Жюль Виньель, Клод Готье, Поль Брабан. Я пишу уже десять лет. Песни вроде бы нравились, но компании, выпускающие пластинки, не проявляли к ним интереса. Однажды я написал «Ля Маник». Ее признали лучшей песней года...

Маник — не женское имя. Это название озера на севере провинции Квебек, где возводятся каскад крупнейших в Канаде электростанций. Парень-строитель пишет в Монреаль девушке: «Если бы ты только знала, как мне одиноко здесь на Севере: пиши мне на Маник... Если у тебя нет новостей, выведи на листке еще раз — люблю»...

...«Дружба — прекраснее всех песен, которые поют о ней», — оставил в моем блокноте Дор. «До новых встреч с замечательными советскими слушателями», — добавила Полин Жюльен.

Ник. АГАЯНЦ

поет очень симпатично...

Я (перевожу). Симпатичные...

Он. Поэтические...

Я. Поэтические...

Он. Песенки...

Я. Песенки...

Он. А ее муж, очень известный в Польше джазмен, играет на пузоне...

Я (вопросительно смотрю на собеседника)?!

Он. Пузон, пузон... Прощу пани... Это такая (он делает несколько резких

движений правой рукой от себя). Пум, пум...

Я. Тромбон...

Он (облегченно вздыхает). Так, может, и Варской? Программа начинается в десять часов вечера...

Я. Так, так... (А про себя думаю: «Десять часов — это же двенадцать ночи по-московски!»)

Он (заметив мои колебания, с радостью). А может, пани собирается быть в Кранове?

Я. Да.

Он (чрезвычайно оживленно). Тогда пани непременно, обязательно должна посетить в Кранове пивницу «Под Баранами».

Я. Пивницу?

Он. Пивница... Это подвал... Такой очень старый подвал, со сводами. Раньше, наверное, в средние века, там хранили вино, а сейчас старые пивницы очень пригодились для маленьких кабаретов. Так вот, «Под Баранами»...

Я покорно соглашаюсь отправиться в Кранов, в пивницу «Под Баранами», где выступает всеми любимая в Польше актриса и певица Эва Демарчик. Приглашаю вас, читатели, на звуковую страницу и обещаю, что не буду во время пения переводить слова песни.

Е. ТАРХАНОВА

Слушайте девятую—десятую звуковые страницы: «Кабачок 33½ оборота».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

*Все, что вижу, все, что знаю,—
Все с любовью собираю.
И, как травка на кургане,
Все взойдет и песней станет.*

Янка Лучина

Цена 1 руб.